

Шурка Орлов

ВОЛОГОДСКИЕ СУДЬБЫ

Шурка Орлов

Вологодские судьбы

«Автор»

2026

Орлов Ш.

Вологодские судьбы / Ш. Орлов — «Автор», 2026

«Я с тобой навсегда» Эти слова Марья Семёновна слышала не раз — и каждый раз они оборачивались предательством. Но вологодская деревня не даёт пропасть: здесь тебя согреет не громкая клятва, а тихий поступок — пироги сквозь метель, подснежники на крыльце, рука, которая просто держит, когда земля уходит изпод ног. «Вологодские судьбы» — пронзительная история о боли, памяти и счастье, которое не сверкает, а тихо живёт рядом. Про то, как из пепла обид вырастает настоящая семья.

© Орлов Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Шурка Орлов

Вологодские судьбы

Повесть

В 1960м году я, Марья Семёновна Степанова, в район приехала — учительницей в школу. Окончила педагогический вуз в северной столице. Избу, как молодому специалисту, мне выделили у самой околицы: бревенчатая, с резными наличниками. Первое время непривычно было — в городете газ да центральное отопление, а тут дрова коли, воду из колодца таскай.

Както вечером зашла ко мне соседка, бабка Фёкла — сухонькая, сгорбленная, глаза острые, как у ястреба.

— Ну, — скрипит, — поглядим, какова ты, городская. Печью умеешь топить?

— Умею, — киваю, хоть руки и дрожат. — А ну покажь!

Стала я печь растапливать, а руки ходуном ходят. Печь отсырела, первый раз с прошлого года топились, задымила всю избу. Бабка только головой покачала:

— Эх, горе луковое Ладно, помогу. Я вздохнула, поправила рукав кофты и подмигнула:

— Да вы погодите, бабуль, это я так, проверку на тягу устроила. Чтоб знать, с чем имеем дело!

Бабка прищурилась:

— Ишь ты Нука, нука, что дальше?

Отодвинула полностью заслонку, достала из короба сухие газеты, скомкала рыхлым комом, положила в топку повыше, почти у самого дымохода:

— Видали, бабуль? Это у нас сейчас дымоход прогревать будем. Чтоб воздушную пробку пробить.

— Какую ещё пробку? — хмурится Фёкла.

— Морозную, — поясняю. — За зиму в трубе холод скопился, вот он и мешает тяге. А мы его сейчас.

Поднесла спичку — бумага занялась, пламя потянулось вверх. Через минуту дым почти пропал, пошёл ровно в трубу.

— Вот и тяга появилась! — довольная, похлопала по боку печки. — Теперь можно и щепок подкинуть, да?

Бабка хмыкнула:

— Ишь, учёная какая Нука, действуй дальше.

Я аккуратно положила несколько сухих щепок крестнакрест, чутьчуть бересты (совсем чутьчуть, чтоб без копоти), снова подожгла. Огонь весело побежал по древесине, загудел в топке. Подкинула пару небольших полешек, прикрыла дверцу, оставив небольшую щель.

— Ооо, — протянула бабка, — глянькось! Да ты, девка, не простая! Всё по уму делаешь.

— Ещё бы, — улыбнулась я. — Я ж не только городская, я ещё и с бабушкиными уроками. Помню, как моя бабуля в деревне учила:

«Сначала — лёгкое, потом — серьёзное, а то печь обидится и дымить начнёт».

Фёкла расхохоталась скрипучим, но добрым смехом:

— Ох, насмешила, городская! Ай да молодец. Видать, не всё у вас там, в городе, забыли про печкиматушки. Ну, теперь чайку поставим, да поболтаем ладком.

Я кивнула, довольная, и поставила на плиту закопчённый чайник. В избе постепенно становилось тепло и уютно, а за окном уже опускались сумерки.

Лето в том году выдалось жаркое, солнечное. Я после занятий с детьми в летнем лагере шла через поле к деревне — трава по пояс, ромашки белые, васильки синие кивают головками.

И вдруг слышу — мотор гудит. Оборачиваюсь: трактор пылит по дороге, а на нём — парень чернявый, в белой рубашке, рукава закатаны.

Трактор остановился рядом.

— Учительница? — улыбнулся парень. — Марья Семёновна, да? Я Сергей, тракторист из деревни на другом берегу. Часто вас вижу, как вы вечером на мостик выходите.

— Да, — улыбнулась я в ответ. — А вы, значит, тот самый Сергей, про которого мне уже три бабушки рассказали?

— Тот самый, — засмеялся он. — И что же они про меня наговорили?

— Что вы песни хорошо поёте и что от вас все девки без ума.

— Ну, — подмигнул он, — пока вижу, одна точно не без ума — вы вот улыбаетесь?

Так и познакомились. После того дня он часто стал попадаться мне на пути: то у школы ждёт, то к колодцу подходит, когда я воду набираю. А однажды говорит:

— Марья Семёновна, а пойдёте вечером погуляем?

Я поставила ведро на землю, упёрла руки в бока и строго спросила:

— Сергей, вы что, за мной следите? То у школы, то у колодца. Теперь ещё и гулять зовёте?

Он покраснел, но не растерялся:

— Слежу, Марья Семёновна, честно признаюсь — слежу. Да как тут не следить, когда вы идёте — будто солнышко по деревне идёт. И мне сразу веселее. Нуко, пойдёте, а?

Я не выдержала и рассмеялась:

— Ох, Сергей, ну и льстец вы!

— Да какой же льстец? — почти искренне возмутился он. — Правда ведь! Так пойдёте? Просто вдоль речки, до старого моста и обратно. Там сейчас ивы склонились над водой — в лучах заката будто золотые, птицы поют, а в траве земляника осталась. Я вас не задержу — всего на часок.

Поправила платок, сделала вид, что всерьёз раздумываю:

— И что же мы там будем делать, на этом мосту? В гляделки играть?

Сергей рассмеялся, глаза заблестели:

— Да хоть в гляделки, хоть песни петь, хоть просто помолчать. Лишь бы рядом с вами. Ну что, по рукам?

Внутри всё потеплело, но я всё ещё старалась держаться строго:

— Ладно, тракторист. В семь у колодца?

— В семь у колодца! — радостно воскликнул он. — Спасибо, Марья Семёновна! Вы не пожалеете!

— Посмотрим, — улыбнулась я, подхватывая ведро. — А пока — мне ещё уроки проверять.

— Я помогу! — тут же вызвался он.

— Нет уж, — покачала я головой. — С уроками сами разберусь. А вот на прогулку приду.

Сергей просиял:

— Значит, до вечера?

— До вечера, — кивнула я, чувствуя, как щёки сами собой теплеют.

Он махнул рукой, побежал к трактору, а я ещё долго смотрела ему вслед, улыбаясь сама себе.

Месяца два мы вот так гуляли, в гляделки играли. А потом он мне назначил встречу за деревней — в старом сеннике, где хранили свежескошенное сено.

Когда он позвал меня на сенник, я на мгновение замерла, сердце забилося чаще.

— А это правильно ли? — тихо спросила я, глядя ему в глаза.

Сергей чуть нахмурился, потом взял меня за руку, улыбнулся чуть натянуто:

— Марья Семёновна, ну что тут неправильного? Мы ж не ворует, не хулиганим. Просто любим друг друга. Разве нельзя просто быть счастливыми? Да не сумлевайся ты, всё ладно будет.

А в голосе — будто он это уже комуто говорил. И не раз. Но я тогда не придавала этому значения. Его взгляд, тёплая ладонь, уверенность — всё это будто смыло мои сомнения.

— Ну хорошо, — кивнула я, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Приду.

Когда я пришла, Сергей уже ждал — в белой рубашке и в трактористской куртке поверх, волосы чуть растрёпаны ветром. Увидел меня — глаза засияли.

— Марья — шагнул навстречу, взял за руки. — Какая же ты красивая.

Он наклонился и поцеловал меня — сначала робко, едва касаясь губами, потом увереннее. Я закрыла глаза, чувствуя, как по телу разливается тепло, как уходит весь страх и неуверенность.

Забрались мы на сенник. Пахло сухим сеном, клевером, летом — будто всё лето тут сложили да укрыли от чужих глаз. Сергей расстелил свою куртку, помог мне сесть. — Не бойся, — шептал он, глядя меня по волосам. — Я с тобой, всё ладно будет. Нуко, примостись поудобнее.

Его руки скользили по моей спине, губы касались шеи, щёк, губ. Я забыла обо всём: о школе, о соседках, о том, что нельзя так. Была только его тёплая ладонь на моей щеке, его дыхание, его шёпот:

— Марья Семёновна, я тебя люблю Люблю, слышишь? Крепко-крепко, на всю жизнь!

Я прижалась к нему, чувствуя, как бьётся его сердце — так же быстро, как моё. Сено кололось сквозь ткань платья, но я не замечала этого. Не чувствовала ни жёстких стеблей, впивающихся в спину, ни прохлады вечера. Была только волна счастья, накрывшая меня с головой, ощущение, что вот он — мой человек, с ним я буду счастлива, мы построим дом, родим детей, будем жить долго и беззаботно.

— Серёж, — прошептала я, уткнувшись ему в плечо, — а мы ведь будем вместе? Всегда?

— Всегда, — твёрдо ответил он. — Я тебя никому не отдам. Мы поженимся, дом поставим у речки, чтоб утром солнце в окна било. Ты будешь учить детей, а я — работать в поле. И у нас будут дети — много, чтоб смех в доме не умолкал. Вот увидишь, всё сладится, Марья Семёновна.

Я закрыла глаза, представляя эту картину: наш дом, дети бегают по двору, Серёжа возвращается с работы, я подаю ужин И так будет всегда.

Он снова поцеловал меня, и я ответила — уже смелее, увереннее, отдаваясь этому чувству целиком. В тот момент мир сузился до нас двоих, до запаха сена и тепла его рук. Я верила каждому его слову, каждой улыбке, каждому обещанию.

— Люблю тебя, — шептала я. — Люблю...

— Моя ты, Марья Семёновна, — гладил он меня по волосам. — Только моя. Да ишь, какое счастье-то.

Внизу, в деревне, лаяли собаки, доносились голоса возвращающихся домой охотников, где-то играла гармонь. Но мы не слышали ничего — только биение наших сердец, ставших на тот миг одним целым.

Через месяц я поняла, что беременна. Радость переполняла меня — вот оно, начало нашей семьи, нашего счастья! Побежала к Серёже, сияющая, с глазами, полными слёз счастья:

— Серёж, у нас будет ребёнок!

Он вдруг побледнел, отвёл глаза:

— Марья Семёновна. Я ж не готов. Уезжаю в Вологду, там работа хорошая.

— Как уезжаешь? — у меня подкосились ноги.

— А ребёнок?

— Ты уж сама как-нибудь — и отвернулся.

Мир рухнул в одно мгновение. Только что я была самой счастливой женщиной на свете, а теперь стояла, будто по голове ударенная, и не могла поверить, что он это всерьёз.

— Но мы же договаривались — только и смогла вымолвить.

— Жизнь, Марья Семёновна, штука сложная, — вздохнул он. — Прости. Нуко, не надо слёз, ладно?

Он ушёл, а я осталась стоять посреди поля, где ещё недавно мы гуляли, держась за руки, где он клялся в вечной любви. Ветер шевелил колосья, гдето пела жаворонок, а мне казалось, что всё вокруг стало серым и безжизненным.

Постояла ещё немного, вытерла слёзы и пошла в деревню. В голове стучала одна мысль: «Как же так? Ведь он обещал обещал».

Поехала я в город, тайком. До Вологды на автобусе тряслась три часа — сидела у окна, вцепившись в сумку, а внутри всё сжималось от страха. Больница старая, каменная, пахнет карболкой и сыростью. В коридоре скамеечки деревянные, на них такие же, как я, — бледные, глаза в пол.

Врач — женщина лет пятидесяти, с усталыми глазами — посмотрела строго:

— Первый раз?

Киваю, губы дрожат.

— Держись крепче, девка. Будет больно.

Больно Это слово не передавало и десятой доли того, что я испытала. Боль была острая, рвущая, будто изнутри меня на части разрывали. Дыхание перехватило, перед глазами потемнело. Сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони, оставляя полумесяцы. Пот струился по вискам, рубашка прилипла к спине.

А потом — пустота. Холодная, звенящая пустота, где не было ни мыслей, ни чувств. Только гул в ушах да мерное тиканье часов на стене.

Домой возвращалась как во сне. В автобусе кто-то уступил место, а я даже спасибо сказать не смогла — только кивнула. Ноги не держали, в груди жгло, будто раскалённый гвоздь вбили.

Бабка Фёкла, как увидела меня, сразу всё поняла:

— Ох, милая — подхватила под руку, довела до лавки. — Пойдёмка, я тебе чаю с мятой заварю. Да не молчи ты, выплачься, легче станет. Ну-ко, ну-ко.

Но слёз не было. Внутри будто всё высохло, замёрзло. Сидела, смотрела в одну точку и думала: «Зачем? Почему так?»

— Бабка, — прошептала наконец, — а ведь я его любила Сергея этого. Думала, семья будет, дети.

— Знаю, милая, знаю, — погладила она меня по голове. — Любовь — она ведь как река: сегодня полноводная, завтра — мелеет. А ты крепись. Время лечит, да и люди вокруг — не звери. Мы ж тут все свои, вологодские. Вот увидишь, жизнь ещё повернётся к лучшему.

Годы шли. Я в школе работала, с людьми общалась. Постепенно отпустило то горе, но шрам в душе остался — тонкий, едва заметный, но всякий раз, когда видела беременную женщину или слышала детский смех, он начинал ныть.

Отношения с Николаем Петровичем развивались неспешно, повзрослому. Не то что с Сергеем — без вихря эмоций, зато с уважением и заботой. Он часто заходил после уроков: то помочь книги перенести, то просто поговорить о литературе, о жизни.

Постепенно мы стали ближе — он провожал меня до дома, иногда оставался на чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.